

© 1990 г.

Лев Самойлов

ЭТНОГРАФИЯ ЛАГЕРЯ

«Преступный мир,— высказался хорошо знакомый с ним Варлам Шаламов,— с Гуттенберговских времен и по сей день остается книгой за семью печатями для литераторов и читателей». Шаламов считает, что крупнейшие русские писатели, касавшиеся этой темы,— Достоевский, Толстой, Чехов, Горький — либо романтизировали и идеализировали уголовников, либо ошибались и не описывали настоящих «блатных» вовсе, принимая за них случайные фигуры. Ибо, заявил он, «блатной мир — это закрытый, хотя и не очень законспирированный „орден“, и посторонних лиц для обучения и наблюдения туда не пускают»¹. До недавнего времени и правоохранительные органы ревностно оберегали лагерь от внешнего наблюдения, не предоставляли прессе доступ туда. Эта закрытость, по существу за немногими исключениями, остается и сейчас².

Мне, можно сказать, повезло.

В 1981—1982 гг. я отбывал заключение в ленинградской тюрьме «Кресты», а затем в лагере (исправительно-трудовой колонии) на окраине Ленинграда. Срок был сравнительно небольшим (полтора года), и поскольку я не признал за собой вины, имея в виду добиться реабилитации, то отбыл его полностью. Перед тем я преподавал в Ленинградском гос. университете и занимался научными исследованиями — мои работы печатались в археологических, этнографических, исторических и философских изданиях. Это предопределило мою ориентацию в тюрьме и лагере — дало мне возможность отвлечься от личных невзгод и с интересом войти в чуждую и буйную среду. Среду, в которой скопилось множество тяжелейших проблем, настоятельно требующих изучения.

Я решил рассматривать свое невольное путешествие в этот непривычный мир как очередную научно-исследовательскую экспедицию, а свое ознакомление с ним — как включенное наблюдение, временами — как включенный эксперимент.

Качеству наблюдения способствовало то, что, несмотря на небольшой срок, неуважаемую уголовниками статью обвинения и интеллигентское прошлое, я отстоял в тюрьме и лагере свое достоинство и даже завоевал (вероятно, некоторыми особенностями своего характера) уважение в этой среде: занял в ней влиятельное положение, получил высокий статус — титул *углового*. В спальной секции, где громоздятся трехъярусные койки на полсотни и больше заключенных, угловой занимает нижнюю угловую койку, на которую никто не имеет права присесть и даже ступить, забираясь на расположенные выше койки. Угловой никто не смеет бить и оскорблять, к нему обращаются не с *кликухой* (кликчей), а по имени-отчеству, с ним охотно *базарят* (беседуют) эски любого ранга, и ему открыто многое вокруг.

Результат этого импровизированного исследования я изложил в двух публицистических статьях, напечатанных в журнале «Нева»: «Правосудие и два креста» (1988, № 5) и «Путешествие в перевернутый мир» (1989, № 4). Статьи эти я публиковал под псевдонимом, которым пользуюсь только для публицистики, а поскольку здесь продолжается начатый там разговор, я выступаю под тем же псевдонимом и в данном обсуждении.

Для этнографов и других специалистов по культуре могут представлять интерес следующие аспекты темы.

1. Особый мир: уголовная среда мест заключения как субкультура. Нравы и обычаи этой среды описывались неоднократно. Несмотря на упреки В. Т. Шаламова, все же «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и чеховский отчет о поездке на Сахалин можно считать началом русской писательской традиции публицистического описания социального дна и его язв — традиции, которую продолжили своим подвигническим трудом В. Т. Шаламов и А. И. Солженицын³. В этой традиции было много описательных работ⁴, на основе которых выросли научные труды М. Н. Гернета — самые крупные исследования о царской тюрьме и каторге⁵. Сталинские лагеря подробно освещены В. Т. Шаламовым и А. И. Солженицыным⁶. Но после оттепели 60-х годов «архипелаг ГУЛАГ» существенно изменился, особенно в том, что касается его контингента и административных установок. Я же наблюдал изнутри и смог описать лагерь современный, начала 80-х годов⁷. Несмотря на смягчение режима по сравнению с прежними временами, мои описания ужаснут непривычного человека, ибо уголовная среда не стала более благой.

Конечно, обстановка в лагерях неодинакова. Тот лагерь, где мне довелось отбывать срок, не относился к числу лучших для проживания. Это был мужской лагерь общего режима. В лагерях более сурового режима (усиленного, строгого) обстановка спокойнее. Но, с другой стороны, есть и такие, где выжить и сохранить здоровье значительно труднее. Таковы лагеря дальние, периферийные. Кроме того, в женских колониях, по свидетельствам побывавших там, куда хуже, чем в мужских, а наиболее свирепостью отличается среда в колониях для несовершеннолетних (*малолеток*).

В каждом государстве существует субкультура уголовников, «культура дна». Криминалисты отмечают, что и в нашей стране «у преступного мира существует своя субкультура, которая является одним из мощных факторов воспроизводства преступности»⁸. Но я наблюдал эту субкультуру в лагере, а это нечто особое.

В своих наблюдениях я обращал внимание на институционализацию уголовной среды в лагере, на ритуализацию всей жизни в нем, на самостоятельные структуры сообщества уголовников. Уголовная субкультура в лагере выглядит сугубо формализованной, очень жесткой, живучей и сильной. Она отличается не только от общей культуры народа, но и от уголовной субкультуры на воле, представляя, так сказать, ее конденсат, и тут действуют такие процессы и структуры, которых на воле нет. В естественном состоянии на воле уголовный мир существует мелкими группками, там нигде нет такого гигантского скопления воря, а в тюрьмах преступники рассажены по камерам и редко встречаются с обитателями других камер. Лагеря создали у нас совершенно особый вид уголовного сообщества — такого не было и нет нигде в мире. Эта уникальная структура заслуживает тщательного и срочного изучения.

Сообщество уголовников в лагере четко разделяется на три касты (*масти*). В нашем лагере они назывались: *воры, мужики и чушки*⁹.

Воры (по другим обозначениям, *люди, человеки*, в прежние десятилетия — *блатные*) — это не только те, кто осужден за кражу, но и бандиты, грабители, убийцы, словом, любые уголовники крупного пошиба, пользующиеся в преступном мире славой лихих, опытные, агрессивные и умеющие постоять за себя. Обычно их около одной десятой или даже одной шестой всего лагерного контингента, но за пределами того, что доступно ведению администрации, они управляют в лагере всем. Задача пищи и белья, размещение на койках, поведение на работе и вне ее — за всем неусыпно следят воры.

Воры являются блюстителями «воровского закона», т. е. уголовной морали, которую они прививают и навязывают всем. По этой морали, не труд, а кража, грабеж, разбой — дело чести и доблести, всякое убийство — героический поступок, пьянка и дебош — высшая услуга, *кайф*, предмет сладостных воспоми-

нений, похвальбы и зависти. Правила этой морали диктуют непримиримое противостояние *ментам*, запрещают давать правдивые показания и доносить (хотя бы на врагов!), требуют уплаты карточных долгов, осуждают *крысу* — ворующего у своих, у воров же. Считается привилегией воров отнимать передачи и вообще любые продукты у мужиков и чушковых, кроме пайки хлеба, — это кровный *положняк*, его отнимать нельзя. *Правилка* (воровской суд чести) моментально покарает нарушителя — при мне одного нарушителя, отнявшего положняк, выпороли перед строем всего отряда (около 200 человек). Но чаще страдают те, кто вздумал бы утаить от воров полученную передачу.

Мужики (это средняя каста) называются так потому, что пашут — работают за себя и за воров. Их в лагере большинство, но они ничего не решают. Обычно это люди, попавшие в лагерь за бытовые преступления, мелкие хищения на производстве или спекуляцию, хулиганство. Часто это случайные преступники. По воровской классификации, их следовало бы относить к *фраерам* — непричастным к миру *урок*, но государственный закон и суд сочли их преступниками и в этом смысле (но только в этом) уравнили с ворами. Современные урки их фраерами не зовут: они ведь тоже нарушили закон, тоже пострадали от суда и *ментов*, тоже попали за решетку и так же *мотают срок*. От фраеров на воле они отделились, но и к ворам не причислены. Так же, как на воле вору его мораль позволяет облапошивать фраеров, так в лагере ему сам бог велел жить за счет мужиков — отнимать у них передачи, похищать продукты ради *грева* — подкормки сидящих в штрафном изоляторе воров (это не считается *крысятничеством*), заставлять работать вместо себя, понуждать к уборке помещений и т. п.

Третья каста (*чушки, обиженные*) — это изгой, отверженные, парии, сословие рабов. Сюда попадают люди малодушные или опустившиеся, грязные (отсюда название — *чушок*), пораженные кожными заболеваниями, дебилы или, наоборот, чересчур интеллигентные, сюда же относят многих попавших в лагерь по сексуальным статьям (особенно за половые извращения, безусловно — пассивных партнеров), и сюда же можно угодить за серьезные нарушения воровской морали — неуплату карточного долга или кражу у своих (*крысятничество*). Чушков можно и должно подвергать всяческим унижениям, издевательствам, побоям. В качестве рабов они должны обслуживать воров, исполняя любые их прихоти, чистить общие уборные. Чушок должен быть покорным и незаметным — как дух, как тень. Чушок всегда в синяках, бледный, с ужасом в глазах. Как чушки выносят подобную жизнь, мне непонятно. Их примерно столько же, сколько воров, т. е. одна десятая или чуть меньше.

Для них, *обиженных*, администрация создала специальные замкнутые отделения в тюрьме и лагере (*обиженки*), чтобы как-то обезопасить их от бесчинств, но всех чушковых туда не упрятать. И главное, они снова выделяются средой, а в обиженках немедленно возникают — уже из самих обиженных — те же три касты: свои вору, свои мужики и свои чушки. Так что система обладает замечательной воспроизводимостью.

Касты различаются по униформе, поведению, правам, экономическому и бытовому положению. Всеми правдами и неправдами вору стремятся перекрасить выданную администрацией униформу в черный цвет, ушивают ее по фигуре и щеголяют в отутюженных брючках и начищенных сапогах на увеличенных каблуках. Мужики носят мешковатые синие *робы*, а чушки донашивают чужие обноски — утратившую цвет серую рвань. По лагерю вору ходят с гордой осанкой, держат себя развязно, нагло, везде (в столовой, поликлинике, лавке) проходят без очереди. Мужики ведут себя скромно, большей частью помалкивают или разговаривают тихонько, они всегда усталы и голодны. Чушок вечно прячется в закоулках, стоит позади строя, полусогнутый, со втянутой в плечи головой, запуганный и дрожащий. В столовой за каждым столом первые и лучшие порции получают вору — чтобы наесться *от пуза*, затем раздают порции мужикам (делят поровну, досыта не получается). Чушки стоят в конце длинного

стола и доедают остатки — у них жизнь и вовсе впроголодь. Тех из них, кто причислен к *пидорам* (педерастам и вафлерам, т. е. пассивным участникам орально-генитальных сношений), во многих лагерях вообще не пускают за стол — они должны есть в углу, по-собачьи, из отдельной посуды. Чтобы не спутать как-нибудь, не смешать посуду, их миски и ложки пробиты насквозь (а что протекают, не беда, сойдет и так). Спят воры на нижнем ярусе коек, мужики — на среднем и верхнем, а чушки — в отдельных помещениях похуже, нередко непротвтриваемых, без окон (*обезьянниках*).

Верхняя каста дробно иерархизована. На вершине пирамиды — *главвор*, или *авторитет* (прежний титул — *пахан*). Пост этот достается не обязательно самому сильному физически, а одному из наиболее решительных и искушенных, властных и опытных, тому, кто сумеет заручиться наиболее широкой поддержкой воров. Ниже располагаются *угловые* (занимающие в каждом бараке или казарменном помещении угловую нижнюю койку), *бугры* (бригадиры), далее в иерархии следуют *бойцы* (дружинники главвора) и уж затем — прочие воры и еще одна категория — *подворики* (новички в касте, *шестерки* — те, кто в подручных, на побегушках у влиятельных воров). Деление на касты наглядно выступает в размещении на собраниях или когда позволяется смотреть телевизор: впереди на кресле главвор, у ног его располагается свита, далее на первых скамьях рассаживаются бугры и угловые, затем — другие воры, за ними на чем попало громоздятся толпой мужики, а в двери и щели несмело заглядывают чушки.

Официально администрация этого различия не признает, но на деле вынуждена считаться с ним, в частности при назначениях заключенных на различные посты в «самоуправлении» — старшин, бригадиров и т. п. Старшина отряда может распоряжаться только в том случае, если его назначение одобряет главвор отряда. Иногда старшиной просто назначают главвора. Характерно, что главвора можно назначить старшиной, но я не слышал, чтобы когда-либо старшина превратился в главвора. Главвор со своими присными спаян в тесную клику, и иногда происходят кровавые схватки между разными воровскими кланами — схватки за власть. Но обычно власть устанавливается мирным порядком на ночной *сходне* воров. Мужики и, уж конечно, чушки в сходне не участвуют.

Власть воров держится на терроре, на устрашении. Существует детально разработанная, нигде не записанная, но всем в лагере известная шкала жестоких наказаний за прегрешения против воровской власти и воровского закона. Каждое наказание имеет свое место в этой шкале и свое жаргонное название: скажем, *опустить почки* (бить по пояснице до крови в моче), *заглушить* (топтать и терзать до полусмерти), *замочить* (убить). Одно из серьезных наказаний — лишение статуса, перевод в нижестоящую касту. Чтобы провести эту меру, *опустить* человека, нужно выполнить особый обряд, включающий торжественную смену одежды (на одежду нижестоящей касты), а если речь идет об опускании в касту чушков, то и реальное или символическое изнасилование. Для последнего достаточно прикоснуться половым членом к губам *опускаемого*.

Время от времени в том или ином отряде (подразделении исправительно-трудовой колонии) воры производят *замес* — ночное поголовное избиение мужиков и чушков, чтобы те пребывали в постоянном страхе перед ворами. Замесы происходят один-два раза в месяц. В иных отрядах воры обходятся без замесов. Об отрядах, где замесы происходят часто, говорят, что там царит *беспредел* (этим словом и вообще обозначают произвол и бесчинства воровских заправил, переходящие всякие границы).

2. О силе зла: аккультурация и диффузия. Благодаря организованности, сплоченности и агрессивности воров в лагере родившаяся там воровская субкультура становится уголовной субкультурой лагеря в целом. Эта субкультура обладает чрезвычайно высокими потенциями аккультурации. Человек поставлен всей обстановкой лагеря в условия, требующие от него сосредоточения

всех жизненных сил на одной-единственной задаче: выжить. Солженицынский Иван Денисович весь подчинен этой задаче. Солженицын акцентирует роль государства и администрации в сложении этих условий, Шаламов больше вскрывает роль воровской среды. Оба фактора взаимосвязаны: без государственных мер воровская среда не была бы столь конденсированной и не получила бы такой власти над остальным контингентом, а без воровской среды с ее традициями лагеря не обрели бы таких потенций аккультурации. Администрация контролирует лишь общие контуры поведения заключенного, лишь издали, лишь в дневные часы, тогда как воровская среда охватывает заключенного плотно, круглосуточно и повсеместно. За утрату чести и достоинства, за стигматизацию (клеймение) обществом она компенсирует его, показывая еще более униженных, позволяя отыграться на них и открывая пути продвижения по ступеням воровской иерархии. Ее кара за сопротивление настигает быстрее, чем государственная, и бьет сильнее.

Школу отрицательного опыта в лагере проходят все. Воры утверждают тут в своей *блатной* морали, приобретают закалку характера, становясь идеально жестокими, наглыми, агрессивными, повышают профессиональную выучку для преступных занятий. Мужики проникаются безверием и цинизмом, приучаются к покорности и плутням. Чушкí лишаются малейших остатков человеческого достоинства и становятся готовыми на все — на любое унижение, любую подлость, только бы избежать побоев, получить какие-нибудь мелкие поблажки.

Все три касты цементируются в единый коллектив, сильный своей ненавистью к *ментам*, традициями, отработанным взаимодействием и круговой порукой. Эта система парализует усилия административного аппарата, и в результате лагеря не способны выполнять свою основную функцию — перевоспитывать преступников, превращать их в законопослушных граждан. Наоборот, лагеря оказываются рассадниками преступности в стране. Не менее трети освобождающихся вновь совершают преступления (и ведь это только выявленные рецидивы, а сколько остается за пределами статистики!).

Между тем в начале 80-х годов из лагерей ежегодно выходило на свободу и вливалось в общество чуть меньше миллиона человек. Сколько же проходило через лагеря, получая криминальную закалку, за время жизни одного поколения? Многие миллионы. Вдобавок сказывается и прошлое страны: в 40—50-е годы в тюрьмах и лагерях у нас сидело, по воспоминаниям Н. С. Хрущева, до 10 млн. человек¹⁰ (по разным подсчетам зарубежных историков, от 17 до 22 млн. человек). Ныне те из них, кто выжил, пребывают в составе старшей части общества. За последние 30 лет осуждено 35 млн. человек (из них 10 млн. — по рецидиву), больше половины из них были в местах лишения свободы. Сейчас, по данным, приведенным в речи министра внутренних дел В. В. Бакатина в Верховном Совете СССР (июль 1989 г.), в местах лишения свободы находится около 800 тыс. человек, а еще год-два назад было вдвое больше — 1,6 млн. Так что лагеря и сейчас перерабатывают заметную часть населения страны, увеличивая в нем криминальный компонент.

В связи с этим нужно отметить то огромное влияние, которое лагерная субкультура оказала на всю культуру нашей страны. Вспомнив эпизод в аэропорту — о том, как сотрудница Аэрофлота грубо покрикивала на иностранцев, загоняя их в «накопитель», Е. Евтушенко замечает: «Не пришло ей в голову, что „накопитель“ это слово из лагерного лексикона... А вы не задумывались о том, сколько лагерного в нашей ежедневной „вольной“ жизни — всевозможных накопителей, отстойников, очередей то за тем, то за этим, как за лагерной баландой... унижительных шмонов — физических и духовных, паханства и шестерничества, видимых и невидимых колючих проволок...»¹¹. Еще более широкоохватным является замечание А. Битова: «Жить в России и не иметь лагерного опыта невозможно. Если вы не сидели, то имели прикосновения и проекции: сами были близки к этому или за вас отволокли близкие и дальние родствен-

ники, или ваши будущие друзья и знакомые. Лагерный же быт растворен повсюду: в армии и колхозах, на вокзалах и в банях, в школах и пионерлагерях, вузах и студенческих стройотрядах»¹². Но оба писателя больше намекают, собственно, на роль государства в обеспечении диффузии лагерной субкультуры за пределы лагерей. Между тем не стоило бы оставлять в тени другую сторону явления, другой активный фактор: основной массив лагерной субкультуры — это воровская стихия. Кажется, еще никем во всей полноте не описано и не оценено то массивное вливание «блатной» лексики в русский просторечный и даже в литературный язык, которое произошло за время Советской власти: *блатной, туфта, халтура, погореть, засыпаться, шкет, шпингалет, на арапа, бычок, чинарик, чифир, шестерка, шпана, заложить, стукач, кимарить, мент, легавый, доходяга, качать права, на халяву* и т. д. Не говоря уже о потрясающей распространенности «блатных» песен, брани, татуировок.

Поэтому изучение «блатной» субкультуры в чистом виде — как уголовной субкультуры лагерей — исключительно важно. Важно для целей борьбы с ней в очагах ее постоянного воспроизводства. Есть ли в этой субкультуре уязвимые места? На какой базе она существует? Как прервать или хотя бы ослабить питающие ее злокачественные культурные традиции?

С другой стороны, лагерную субкультуру уголовников естественно рассматривать как часть общей культуры народа, как ее подвид, а особенности этой субкультуры — как продолжение и усиление недостатков нашего общества, наследственных (пережитки прежних формаций) и приобретенных (деформации идеала, свойственные реальному социализму). Так, Г. Ф. Хохлаков считает, что в грубом приближении в колониях осужденные пытаются создать то, что они утратили. Появляется некая модель общества, из которого они изъятые¹³. И. Майминов пишет: «Сообщество осужденных не изобрело велосипеда и не оно выдумало модель, по которой строит свои законы. Оно лишь скопировало, правда, в более жестокой форме, те отношения, которые почти все мы почитаем или не почитаем, но исповедуем в нашей свободной жизни»¹⁴. Авторы указывают на охватившие наше общество нетерпимость, бездушие, жестокость, на существование у нас и на свободе своих отверженных — людей с судимостью или тех, кого еще недавно столь решительно отвергали, — «диссидентов» и др.

Все это действительно имеет место. В нашем обществе были и элементы жестокости, и жестокий террор, происходило и формирование кланов, борющихся за власть, а избавились ли мы от всего этого полностью? Не без оснований особенности субкультуры уголовников возводятся к еще одному фактору — специфике закрытых сообществ¹⁵ — и сравниваются с армейской уголовщиной особого вида (дедовщиной, которую неполно и неточно определяют то как «неуставные взаимоотношения», то как «казарменное хулиганство»).

Однако одними этими факторами возникновение рассматриваемой субкультуры и ее специфики не объяснить. В такой категорической и абсолютной форме приведенные объяснения неверны. Лагерное сообщество уголовников — отнюдь не просто слепок нашего общества, а лишь отражение некоторых, пусть даже многих, его сторон. Массовое возникновение городских подростковых бандформирований (*стай*), организованных на тех же принципах, в Казани и других городах показывает, что для объяснения феномена, включающего и субкультуру уголовников, эта модель недостаточна: Казань — не изолированный социум и не общество чзгоев.

3. Уголовник и дикарь: сходства лагерной среды с архаическим обществом. О примитивизме психологии и языка уголовников написано немало¹⁶. Однако непосредственное наблюдение позволило мне углядеть более разностороннее сходство уголовной среды с первобытным обществом. И тут и там т р е х к а с т о в а я с т р у к т у р а, а также выделение вождей с их боевыми дружинами. Первобытное общество на стадии разложения всегда распалось на верхний слой (дифференцированную знать, включающую аристократов, жрецов и купцов), средний (крестьян-общинников) и низший (рабов, изгоев).

Каждый зэк старается найти себе (часто среди земляков) *кента* — закадычного лагерного друга, с которым можно было бы вместе *цифировать*, делить передачи, помогать друг другу во всем и защищать друг друга от *беспредела*. Институт *кентовки* очень напоминает первобытное *п о б р а т и м с т в о*.

Архаическим (первобытным) обрядам и инициаций соответствует *прописка* в камерах и лагерях с жестоким ритуалом и азартными избиениями, с каверзными вопросами и стандартными ответами на них, которые нужно заранее знать. На вопрос: «Пику в глаз или в ж... раз?» — нужен ответ: «Шаг в сторону и ход конем». На вопрос: «В ж... дашь или мать продашь?» — следует ответ: «Парня в ж... не е..., мать не продают». На вопрос: «Кого будешь бить — кента, зэка или медведя?» — ответ, разумеется: *медведя* (кент — это друг, зэк — сотоварищ, свей), но далее следует вопрос: «Как бить — до крови или до синяков?». Надо отвечать: «До крови», потому что тогда можешь отделаться легкой царапиной, а иначе и будут бить до синяков. Впрочем, отношение к кентам двойственное — на вопрос: «На танке едешь, кого задавишь — кента или мать?» — требуется ответ: «Кента. Сегодня кент, а завтра мент». Еще вопрос: «На толчке (унитазе) газета, на ней чистый кусок хлеба, а на столе грязный кусок мыла. Что согласишься есть — хлеб или мыло?» Надо ответить: «Мыло». Заставят реализовать сказанное и съешь хлеб с унитаза, даже отделенный газетой, — попадешь в душки: осквернился. А мыло в тюрьме и зоне — дефицит, его тебе съесть не дадут, пожалеют (не тебя, а мыло). Хитроумный вопрос: «Если кента укусит змея и надо отсосать — что будешь делать?». Ответ: «Позову вафлера» (ведь ранку на руке или ноге кент мог бы отсосать и сам). Не сумеешь догадаться, можешь угодить в пидоры...

Обычаям табу вполне идентичны представления уголовников о том, чего делать нельзя, что не подобает (*заподло*) обитателю лагеря (*заподло* — держать за подлое, принимать за подлое). Эти представления давно утратили смысл и уже непонятны, но строго соблюдаются. Нельзя носить что-либо красного цвета (там иная символика: это цвет педерастии). Нельзя использовать уроненную на пол или на землю ложку или миску (даже если ее помыть!). Но *пидорку* (лагерную шапку) поднять можно, только ее следует отстирать. Лишний хлеб нельзя бросать в толчок, а только в мусорное ведро или коробку. Воду в толчке нельзя спускать рукой — только ногой. *Заподло* пить прямо из крана (*с горбатого*) — по-видимому, от слишком близкой аналогии с орально-генитальным сношением. *Заподло* говорить «спасибо» (нужно: «благодарю»). *Заподло* называть *цирика* (надзирателя) по имени. Не подобает в драке бить кого-либо ногами... нет, не вообще, а лишь опираясь руками о шконку (койку), а без опоры — можно. И т. д.

Т а т у и р о в к а (*наколка*) исполняет у современных уголовников ответственные функции знаковой системы — точно так, как и у первобытных племен. Наколкой отмечается прохождение сквозь тюремные учреждения (разные виды перстней на пальцах), *зону* (пять точек на запястье), жизненные девизы владельца (четырехлучевые или восьмиконечные звезды на плечах: «Клянусь, не надену погон»; те же звезды на коленях — «не опущусь на колени перед ментами», оскаленная морда тигра — «оскалил пасть на Советскую власть»), статья уголовного кодекса, по которой он осужден (джинн, вылезавший из бутылки, — осуждение за наркотики; кинжал в руке — *бакланка*, т. е. статья за хулиганство; кот в сапогах — квартирные кражи, т. е. вор-домушник, и т. д.), срок (церковь с числом глав или колоколов по числу лет, которые человек *отзвонил*, т. е. пробыл в лагере *до звонка* — полностью, до конца срока). Криминолог А. Гуров (Москва) приводит другие в чем-то отличающиеся расшифровки (восьмиконечная звезда — профессиональный вор; сердце, пронзенное стрелой, — вор в законе; паук в паутине — наркомания)¹⁷. Если это не результат намеренного искажения смысла информаторами (ведь исследователь как-никак офицер милиции), и если не подвели мои информаторы (не все они с большим опытом), то надо заключить, что в разных районах и в разное время татуированные

изображения могут приобретать разный смысл, так что изучение этих локальных различий (например, в обозначении наркомании) может способствовать выявлению глубинных связей и районирования преступного мира, т. е. по ним можно проследить формирование локальных очагов преступности. К наколке относятся очень серьезно, этим не шутят. Можно накалывать только то, что тебе положено: (принцип: «отвечай за наколку»).

К татуировке примыкает другое у р о д о в а н и е т е л а — изменение размера полового члена подкожными включениями, обычно из пластмассы, — шариками, шпалами и даже осями с насадкой колесиков по бокам (эти колесики торчат снаружи). Уголовник убежден, что такое оснащение члена усиливает его сексуальную привлекательность — повышает наслаждение, доставляемое им женщине. Очень похожие приспособления — «ампаланги» Н. Н. Миклухо-Маклай описывал у малайских племен.

Сближает уголовников с дикарями и л ю б о в ь к у к р а ш е н и я м, особенно к блестящим, металлическим; ожерельям и медальонам на цепочках, перстням, браслетам. Особенной популярностью пользовались *ансеры* — браслеты с пластинкой, на которой выгравировано какое-нибудь изречение на латыни или английском. Их специально изготовляли в лагере. Воры, да и мужики, старались раздобыть себе застёжки-молнии ишить их во все пригодные для этого места униформы — ширинку, карманы куртки и брюк.

Далее, поражает отмечавшаяся в литературе бедность, убогость б л а т н о г о ж а р г о н а, выражающего сотни понятий и оттенков каким-нибудь одним словечком, например оценочным *ништяк* (ничего) или нецензурным глаголом, заменяющим чуть ли не любой другой (он может означать «ударить», «украсть», «длительно злиться» и пр.). А многое выражается просто междометиями и бранью. Это поистине словарь Элочки-людоедки.

Уголовники демонстративно прокламируют некое несуществующее на деле особое п о ч и т а н и е м а т е р и («не забуду мать родную») — отец не упоминается. Оскорбление матери — тяжчайшее из оскорблений (матерная брань). Даже традиционное русское ругательство из трех слов нередко в диалоге вежливо заменяется другим, эвфемистичным: «не «...твою мать!», а «...твою б...!». На место матери собеседника подставляется его мимолетная «подруга» — тяжесть оскорбления снимается. Кое-где даже избегают в драке бить по татуировкам со словом «мать». Во всем этом проглядывается нечто очень архаичное.

В уголовной среде очень распространены с у е в е р и я — надежда на амулеты, опасения сглаза, вера в «легкую руку» и т. п.

В чем причина всех этих сходств с архаическим или даже первобытным обществом? Многие объясняют все аномалиями в психической сфере, индивидуальным примитивизмом психики лиц «с отклоняющимся поведением», оказавшихся в уголовной среде, — тем патологическим примитивизмом, который, с одной стороны, привел их к асоциальному поведению, а с другой — обусловил многообразное сходство с детьми и дикарями.

С моей точки зрения, главная причина этих сходств коренится в биологической природе человека вообще. Известно, что за последние 40 тыс. лет человек биологически не изменился. Наша психофизиологическая природа та же, что была 40 тыс. лет назад. Тогда она и сформировалась. Следовательно, она должна была оказаться а д а п т и р о в а н н о й к т о г д а ш н и м природным условиям своего формирования и социокультурной среды. А социокультурная среда того времени — это первобытное общество, верхний палеолит, родовый строй. Вот к этой среде и приспособлена наша психофизиологическая природа. Культура и общество с той поры проделали целый ряд грандиозных скачков, колоссальный путь развития, а природа наша осталась той же. Выходит, мы созданы для того, чтобы быть первобытными охотниками (по сути, хищниками), придерживаться первобытных семейных норм, жить в небольших, весьма зам-

кнутых коллективах, в стабильной обстановке и в согласии с природной средой. Все остальное, наложено культурой.

В ней выработаны все те механизмы и структуры, которые предназначены компенсировать накопившиеся противоречия между психофизиологическими данными человека и нынешними социокультурными условиями его существования, адаптировать человека в нынешней социокультурной среде, от которой он отказаться не может. В этом суть современного воспитания в семье и обществе, обучения в школе, с этим согласована значительная часть функций индустрии спорта и зрелищ и пр. (разрядка напряженности, сублимация агрессии).

Когда же по тем или иным причинам образуется дефицит культуры, психофизиологическая природа человека освобождается от культурных норм, от установок общества, навязанных ей воспитанием, и порождает то, что мы называем асоциальным поведением. Если же людей с дефицитом культуры собрать вместе, сосредоточить в закрытых сообществах и вольно или невольно предоставить им некоторые возможности самоорганизации (а именно это и сделано в «исправительно-трудовых» лагерях), то в таких сообществах социальное бытие людей естественно приобретает те структуры и формы, которые вполне соответствуют природе человека, не воспитанного в современной культуре. Природе дикаря.

Конечно, противопоставление лагерной уголовной среды законопослушному обществу налагает дополнительную злонамеренность на изначально дикие формы. И конечно же, сходство с казарменным хулиганством говорит о роли закрытости, замкнутости в формировании злокачественных субкультур. Но сходство еще и с полубандитскими подростковыми формированиями в новых районах крупных городов и в пригородах, где не развита инфраструктура и куда слабо проникает культура вообще, заставляет полагать, что главное здесь все-таки — дефицит культуры.

Отсюда напрашивается вывод об основных направлениях борьбы с этой субкультурой и ее вредным воздействием на людей: а) ликвидация условий для формирования и существования ее структур, т. е. отказ от заключения в лагерях, б) повышение общего уровня гуманистической культуры народа.

Но может быть, кроме этого общего, радикального способа решения проблемы есть и частичные приемы, способные быстро, без коренной ломки устранить хотя бы некоторые наиболее злостные особенности рассматриваемой субкультуры, ослабить и смягчить ее воздействие на индивида? Если бы можно было умелой организацией подорвать условия ее существования, затруднить ее поддержание...

4. Традиции зла: проблема живучести субкультуры. Итак, в лагерях и — меньше — в тюрьмах с давних времен сложились традиции и нормы субкультуры, насильственно навязываемые сообществом уголовников каждому новопривышему. Часть этих норм помогает заключенному противостоять бедственным для него обстоятельствам неволи да и своей личной неорганизованности, помогает справиться с личной катастрофой. Это нормы взаимопомощи, традиции общественной саморегуляции и самоорганизации (выборы старост в камерах, очередность в распределении мест и т. п.), выработанные формы сопротивления злоупотреблениям администрации (например, голодовка).

Другие нормы (и их значительно больше) носят злокачественный характер — в них проявляется насилие уголовных верхов над всеми прочими обитателями исправительных заведений и культивируются установки на асоциальное поведение. К таким нормам относятся: разделение сообщества на касты, ставящие законных преступников над шаткими, ситуационными, исправимыми правонарушителями, систематическое ограбление масс (дань), жестокие обряды, грубые обычаи, дикие забавы, различные формы террора. В них заключается механизм аккультурации (перевоспитания), противостоящий усилиям администрации по исправлению преступников. Как демонтировать этот очень живучий механизм? Как пресечь, прервать злокачественные традиции криминальной субкультуры?

Конечно, первопричины преступности нужно искать в чем-то ином — в недостатках общественного устройства, в неравномерности распределения общественных благ, образования и культуры, в личных качествах отдельных индивидов, но и роль криминальных традиций, их влияние на людей нельзя сбрасывать со счетов. Эта сторона преступности образует самостоятельную проблему.

А что если применить к решению этой проблемы коммуникационные критерии стабильности и нестабильности культуры? Согласно современным семиотическим представлениям, культура есть прежде всего некий объем информации, передаваемой не генетическим путем, а хранящийся вне индивида в обществе, и нормально уделяемой обществом каждому индивиду; эта информация, усваиваемая каждым индивидом после его рождения, содержит пластичную программу поведения. В рамках этой концепции культурную преемственность можно представить как передачу культурной информации от поколения к поколению, т. е. как сеть коммуникации наподобие телефонной или радиосвязи. В науке об электросвязи, радиосвязи и т. п. давно определены те факторы, которые обеспечивают устойчивость и эффективность коммуникационных сетей: исправность контактов, достаточное количество каналов связи, повторяемость информации, единство знаковой системы и др. Нарушение этих факторов ведет к неисправностям и разрыву сети, к нарушению передачи. В культурологии уже были попытки уподобить распространение культурных явлений коммуникационным процессам в технике¹⁸. Задача в том, чтобы определить, какие явления в культуре соответствуют тем или иным дефектам в технических сетях коммуникации.

Например, к нарушениям контактов можно приравнять конфликт поколений и убыль воспитания в семье. К сужению и уменьшению каналов передачи — резкое сокращение объема школьного образования, ликвидацию каких-то воспитательных учреждений, исчезновение ряда профессий. К уменьшению повторяемости — ускоренную смену профессиональных занятий, раннее отделение молодых семей, и т. д.¹⁹.

А каким явлениям в лагерной жизни можно было бы придать аналогичное значение? П о в т о р я е м о с т ь информации, ее закрепление обеспечивается длительностью сроков заключения, многолетним пребыванием в колонии и монотонностью, однообразием быта. Уменьшить повторяемость невозможно без сокращения сроков заключения и без изменения их форм. Под последним имеется в виду замена содержания в исправительно-трудовых заведениях отбыванием наказания без отрыва от дома или с частичным отрывом — на дневное время суток или, наоборот, на ночное время. Одно из средств специфически уголовной коммуникации, передающей престиж в этой среде, — з н а к о в а я с и с т е м а криминальной среды: татуировка, самодеятельное варьирование лагерной униформы (по кастам), блатной жаргон, матерная брань. Администрация борется с этим, но безуспешно: татуировка несмываема, варьирование униформы (окраска) трудно устранимо, и, как показывает армейский опыт, взамен могут возникать неконтролируемые формы варьирования (способы ношения, мелкие детали), а за речью вообще не уследить. К некоторому разрушению контактов в передаче злокачественных лагерных традиций привела бы частая перетасовка отрядов, на которые делится лагерь, а еще больше — иной принцип распределения новоприбывших по отрядам, который бы отделял новичков от старожилов. Нетрудно заметить, что эти установки противоречат друг другу. Кроме того, они не вяжутся с функционированием лагеря и его отрядов как производственных коллективов. В идеале устранить контакты, передающие эти злостные традиции, могло бы лишь введение всемерной изоляции заключенных друг от друга вплоть до одиночного заключения (при этом могли бы применяться резко сокращенные сроки заключения). Наконец, как добиться сужения и уменьшения каналов коммуникации? Если вдуматься, то очень просто: уменьшить число лагерей.

Отрадно, что наши правоохранительные органы пошли по этому пути: за последние год-два количество населения исправительно-трудовых колоний уменьшилось вдвое и почти половина колоний закрыта. Правда, это осложнило обстановку в них: выпущены на свободу менее опасные правонарушители, и в лагерях сгустился контингент повышенной криминальной насыщенности. Правда и то, что материальная часть лагерей (постройки, оборудование) предусмотрительно не подвергаются уничтожению: администрация не верит в целительность и долговременность предпринятых мер²⁰, потому что преступность растет.

Но ведь из всего сказанного выше вытекает еще более радикальное решение вопроса о лагерях — вовсе от них отказаться. Тогда подпитка уголовной субкультуры резко ослабевает: останутся лишь те каналы передачи вредной информации, которые уголовники применяют для коммуникации на воле, а они гораздо слабее (криминальные сообщества там рассеяны, встречи спорадичны). Но такое решение означало бы отказ от давно принятого у нас метода исправления коллективным трудом. Что ж, этот метод отнюдь небезупречен, но его оценка выходит за пределы этнографических аспектов темы.

5. Прочие аспекты. В своем анализе я не рассматриваю подробно прочие этнографические аспекты темы, но мои наблюдения и описания среды, надеюсь, дают пищу и для других размышлений. Так, примечательный феномен представляет собой образование лагерных *семей* на основе чего-то вроде *побратимства* (*кентовка, кенты*), мною лишь бегло отмеченное. Интересны торговые отношения без монетной формы денег: в лагере иметь деньги запрещено, и пакетик чая (необходим для чифиря) превратился во всеобщий эквивалент (*тюмак, тимак*). Так, при обменах, купле-продаже за 1 тимак можно было в начале 80-х годов приобрести 5 пачек сигарет, или 2 банки рыбных консервов, или 2 пачки маргарина, или 1 буханку белого хлеба, или 2 буханки черного (источник их поступления — *выписка* из лагерного магазина, передачи с воли, хищения с кухни). Одна воровская (черная) куртка стоила уже 5 тимаков, штаны — 10, *гайка* (перстень) под золото с имитацией пробы — 10, *ансер* — 15 тимаков. Разумеется, в лагере трудно было бы накопить такое количество реальных пакетиков чая, нужных для оплаты, но их в реальности и не требовалось — повсеместно производились безналичные расчеты, а в тимаках лишь все исчислялось, так что тимак превращался в условную меру стоимости. Долги записывались, а в какой-то момент можно было расплатиться товарами и услугами. Эти сложные торговые сделки (*макли*) нередко приводили к конфликтам и крови.

В ленинградских лагерях межнациональные отношения не выступали на первый план, что естественно: население более или менее, однородно в национальном отношении. Интересно, однако, что антисемитизм тут (речь идет о начале 80-х годов) не был замечен, хотя евреи в колониях были (в Ленинграде это наиболее заметное включение в славянскую среду). По крайней мере антисемитизм ограничивался тут отдельными личными взаимоотношениями и не перерастал во всеобщую травлю, чего можно было бы ожидать, учитывая грубость и неразвитость основного контингента. Я справлялся у побывавших в других колониях — картина та же во многих.

Чем объяснить этот феномен? Тем ли, что в этой среде реально существовавшие в обществе тенденции нередко приобретали противоположную направленность? Мне кажется, скорее всего здесь больше сказалось другое: изменения стереотипного образа еврея в представлениях обывателя, связанные с переменами в мире. Сказались сообщения прессы о многолетней войне государства Израиль с арабами и эмиграция части евреев из СССР (преимущественно в США). На месте существа физически слабого, невоинственного, говорящего с акцентом, хитрого, но смешного и жалкого (такой тип возбуждает у уголовников инстинкт преследования) появился другой образ: абсолютно чисто го-

ворящий по-русски, агрессивный и преуспевающий фирмач, потенциальный иностранец (такой вызывает у *блатного* чувство зависти и восхищения). Национальная неприязнь с оттенком презрения сосредоточилась на жителях Средней Азии (уголовники обзывают их *чурками*) — они чаще оказываются в чужаках. Это можно объяснить их меньшей грамотностью, плохим знанием русского языка и скованным из-за этого поведением.

Значительное место в лагерном быту занимает сексуальная жизнь, разумеется, на гомосексуальной основе: институт «жен» для лиц высокого статуса, гильдия «пидоров» (термин — от неграмотного *пидораз*, *пидорас*, т. е. педераст), сексуальные действия в обрядах опускания. Лагерная этика отличает гомосексуальные сношения на воле от тех, которые происходят в лагере: первые считаются зазорными, вторые — нет. Активные партнеры даже в лагере имеют более высокий статус, чем пассивные. Распространенность этих отношений в лагере не всеобъемлюща и затрагивает больше верхний слой и часть нижнего (*пидоров*). В среднем слое она невелика, а между тем именно он наиболее многочисленный. *И воры*, и *пидоры* отрешаются от гомосексуального поведения сразу же по выходе из лагеря, если не имели этой склонности до лагеря.

Любопытна цветовая символика: красный цвет табуирован, так как считается цветом педерастии. Объяснить это никто мне не мог. Не исключено, что в основе лежит эвфемистическое выражение «посадить на красного (или кожного) коня» (смысл: изнасиловать).

Вообще семиотические аспекты рассматриваемой субкультуры представляют интереснейшее поле для исследований, а нынешняя открытость темы позволяет избирать разные пути ее изучения, минуя мой путь.

Приведенные здесь соображения, а также материалы наблюдений подробнее представлены в указанных выше моих статьях.

Примечания

¹ Шаламов В. Очерки преступного мира // Дон. 1989. № 1. С. 75—76.

² Радышевский Д. Дайте нам журналиста и священника // Московские новости. 1989. № 27. С. 15.

³ Достоевский Ф. М. Сибирская тетрадь (Записки из Мертвого дома). Л., 1972; Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Т. 14—15. М., 1987; Шаламов В. Указ. раб. С. 74—115; Солженицын А. И. Архипелаг Гулаг. Ч. 1—7. Париж, 1973—75 (сокращенная публикация — «Новый мир». 1989. № 8—12; 1990).

⁴ Максимов С. В. Сибирь и каторга. Т. 1—3. СПб., 1871; 3-е изд., СПб., 1900; Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872; Брейтман Г. Преступный мир. Очерки из быта профессиональных преступников. Казань, 1901; Александров В. Арестантская республика // Русская мысль. 1904. Кн. 9. С. 68—84; Дорошевич В. М. Сахалин. М., 1907. (Ч. 1. Каторга; ч. 2. Преступники).

⁵ Гернет М. Н. Очерки тюремной психологии // Право и жизнь. 1922 (в большинстве номеров за эти годы); *его же*. История царской тюрьмы. 2-е изд. М., 1946—1951.

⁶ Той же теме посвящены книги: Варди А. Подконвойный мир. Франкфурт-н/М., 1971; Чалидзе В. Уголовная Россия. Нью-Йорк, 1977; Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу. Париж, 1987 (см. мое рец. в журнале «Знание — сила». 1980. № 11).

⁷ Наблюдения «снаружи» представлены в работах: Хохряков Г. Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985; *его же*. Социальная среда и личность. Автореф. дис. ...докт. юр. наук. М., 1987; *его же*. Преступления осужденных: причины и предупреждение. Ереван, 1988 (совместно с Г. С. Саркисовым); *его же*. Наказание лишением свободы // Социологические исследования. 1989. № 2. С. 75—83. В 1984 г. весь тираж его книги «Личность в условиях изоляции от общества» приказано было уничтожить (см. об этом «Московские новости». 1988. № 38. С. 11).

⁸ Гуров А., Шекоцихин Ю. Под контролем мафии // Литературная газета. 1989. 19 июля. С. 13.

⁹ Эти же касты описываются, кроме работ Г. Ф. Хохрякова, в статьях журналистов: Никитский Л. Беспредел // Огонек. 1989. № 32. С. 27—29; Маймистов И. Отверженные // Литературная газета. 1989. 19 апреля. С. 13.

¹⁰ Хрущев Н. С. Воспоминания // Огонек. 1989. № 28. С. 31.

¹¹ Евтушенко Е. Невоспитанность воспитания // Советская культура. 1989. 11 марта. С. 6.

¹² Битов А. Комментарий к общезвестному // Литературная газета. 1989. 12 апреля. С. 6.

¹³ См.: Лошак В. Личность за проволочкой (беседа с Г. Ф. Хохряковым) // Московские новости. 1988. № 38. 10 сентября. С. 11.

¹⁴ Маймистов И. Указ. раб. С. 13. Стлб. 3.

¹⁵ Podgórecki A. Zarys socjologii prawa. Warszawa, 1971.

¹⁶ См., например: Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление. Т. III—IV. Л., 1935. С. 47—100.

¹⁷ Гуров А., Щекоцихин Ю. Указ. раб.

¹⁸ Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973. С. 54—57, 126—207.

¹⁹ Клейн Л. С. Проблема смены культур и теория коммуникации // Количественные методы в гуманитарных науках. М., 1981. С. 18—23.

²⁰ Рожнов Г. Решетки по запас // Огонек. 1989. № 20. Май. С. 11—15.

© 1990 г.

В. Р. Кабо

СТРУКТУРА ЛАГЕРЯ И АРХЕТИПЫ СОЗНАНИЯ

Льву Самойлову принадлежит редкое в нашей стране достижение — он воспользовался своим вынужденным пребыванием в исправительно-трудовом лагере для того, чтобы подвергнуть среду, в которой ему пришлось жить, социологическому и этнографическому анализу. Он подошел к ней как исследователь, обладающий профессиональными знаниями и литературным талантом. Мир этот действительно еще плохо известен и почти совсем не изучен. Мне пришлось провести в лагере несравнимо больший срок — несколько лет, и было это не в 1980-е годы, а в 1949—1954 годах. С большим интересом прочитал я очерки Л. Самойлова в «Неве» (1988, № 5; 1989, № 4) и теперь в «Советской этнографии», прочитал их и как человек, располагающий аналогичным опытом, и как этнограф, посвятивший себя изучению первобытного общества. Нам обоим была предоставлена возможность изучать лагерное общество оптимальным методом «погружения», притом с интервалом в три десятилетия, что позволяет рассматривать это общество в динамике, в исторической перспективе.

Какие же мысли вызывает у меня очерк Л. Самойлова? В чем наши впечатления совпадают, а в чем — нет? Как я отношусь к его выводам, в том числе к сопоставлению, казалось бы парадоксальному, лагерного общества с первобытным?

В мое время, как и теперь, режим в лагерях разного типа тоже был различным, и я жил далеко не в худших условиях, в чем-то напоминающих те, в которых находился и автор очерков. Большую часть контингента составляли заключенные, отбывающие срок по так называемым бытовым статьям, меньшую — политические, сидящие по ст. 58 (к ним принадлежал и я). Я тоже имел возможность наблюдать иерархическую структуру лагерного социума. Правда, она менялась на моих глазах. Сначала в ней доминировали *суки* — изгой блатного мира, нарушившие его законы и поэтому осужденные этим миром на физическое уничтожение. При них в зоне царил тот *беспредел*, о котором пишет Самойлов, иначе говоря, власть силы, а не закона. Это было своего рода бесструктурное, хаотическое состояние. Затем в лагерь привезли группу воров *в законе*, которым удалось обзавестись холодным оружием и совершить переворот. Наутро после «ночи длинных ножей» из бараков выносили зарезанных *сук*. Наступило царство *закона*. Вору установили в зоне жесткий и, соответственно их системе представлений, справедливый порядок. У *мужика* больше никто не мог отобрать по собственному произволу деньги или полученную из дома посылку. Получив заработанную на лесоповале зарплату, он отдавал заранее обусловленную ее часть бригадиру, который в свою очередь передавал ее вору. Кроме того, бригадир был обязан *проводить* в рабочих нарядах воров как работающих, хотя в дейст-